

X ГРУШИНСКАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

НЕЗАВИСИМЫЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Круглый стол «На пути к открытости исследований» 19 мая 2020 года (стенограмма)

Модератор Задорин И. В.: Уважаемые коллеги, сегодня у нас большой день, мы открываем большую конференцию, и не случайно тема [первого мероприятия] именно «Открытость исследований». Понятно, что наш круглый стол - это только начало большой конференции, мы тут выступаем пионерами, не случайно это все происходит в День пионерии (19 мая). Я всех приветствую новым бесконтактным приветствием «будь здоров», и, соответственно, все должны сказать: «всегда здоров». И я хотел бы попросить Валерия Валерьевича открыть Грушинскую конференцию приветственным словом, а дальше мы уже перейдем к нашим вопросам непосредственно...

Федоров В. В.: ...к нашим баранам. Да. Добрый день еще раз. Мы не только открываем сегодня круглый стол, но и всю конференцию. Долго мы с вами думали, проводить ее, не проводить, в каком формате, и вот решили - кстати, с подачи Игоря Вениаминовича - не просто конференцию сделать, а нестандартную - виртуальную, дистанционную, растянутую во времени, но, надеюсь, очень плотную по содержанию и по смыслам конференцию. Настоящий социологический марафон. Мы три года назад придумали это странное словосочетание для обозначения одного такого интересного формата, мы с молодежью из десяти городов общались, но вот теперь пришло всем время взрослеть, поэтому наш с вами марафон займет несколько месяцев, и, надеюсь, закончится осенью, ближе к Дню социолога, когда - мы можем только молиться - пандемия, в том числе пандемия страха, цитирую Игоря Вениаминовича, уже отойдет в прошлое. Хотя, конечно, пути Господни неисповедимы.

Итак, давайте опробуем с вами этот уникальный формат. Конечно, планка высокая, размазывать по тарелке не хотелось бы, наша задача - темп хороший поддержать, желательно одно мероприятие в неделю, на некоторых неделях, может быть, и более. Ну, и самое главное, конечно, - высокое качество контента. Надеюсь, сегодня мы с вами дадим старт достойный. Я очень рад, что именно открытость для нас - это такие ворота, врата, открывающиеся в Грушинскую конференцию, потому что для ВЦИОМа это тема, я бы сказала так, роковая: с одной стороны, мы, как компания государственная, больше всего

предрасположены, в отличие от коммерческих компаний, раскрывать свои данные, но, с другой стороны, как вы все понимаете, есть и ограничения, и они бывают весьма жесткие. И вот на этой растяжке мы пытаемся уже несколько лет свою политику открытости не просто продекларировать, но и реализовать. Я надеюсь, Юлия Баскакова сегодня о ней расскажет поподробнее, да, Юль? Есть такой план? Есть. Читаю по губам. Скажу только одно в порядке анонса: мы приложили огромные усилия для того чтобы собрать все наши исследования не только omnibusного типа, которые и так - мы стараемся с ними широко знакомить всех желающих, и не только линейки выкладываем, но и массивы, как вы, наверное, знаете, к каждому нашему аналитическому обзору ежедневному. Вот мы решили сделать следующий шаг, и все исследования, которые мы делаем для коммерческих заказчиков, тоже загнать в одну базу; у нас это уже получилось. А почему я об этом говорю в связи с открытостью? Разумеется, все компании имеют в том или ином виде такие базы, но (кстати, мы эту базу назвали «Меркурий» - напоминаю, был такой античный бог в сандалиях с крылышками, который порхал и очень быстро доносил почту, посланец богов) наша идея состоит в том, чтобы дать доступ к этой базе - разумеется, при сохранении всех прав заказчиков (там сложная довольно юридическая регуляция, но вроде бы мы через нее прорвались), - дать возможность пользоваться ею всем желающим в научных целях, пройдя довольно быструю и несложную процедуру аутентификации. Вот сейчас мы это все допиливаем, и я надеюсь, в течение года начнем запускать туда всех коллег, прежде всего из академического сообщества, но надеюсь, и из более широкого. Поэтому открытость для нас - это и цель, и процесс.

На этом все, буду стараться по ходу, если будет возможность и время, тоже принять участие в дискуссии. Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо, Валерий Валерьевич. Вот задачи поставлены: обеспечить качественный контент. Сегодня мы, опять же, как пионеры, первые должны задать в некотором смысле этот стандарт качества, возможно, для многих других секций круглых столов Грушинской конференции. При всем при том что есть риски, конечно, как любой первый, естественно, мы рискуем, может быть, что-нибудь не получится, но я бы хотел обратиться к коллегам, чтобы никто не волновался, не беспокоился: у нас привилегия первого в этом смысле и возможность где-то и ошибиться. Ну, попробуем, а другие поправят.

Хотел бы сначала сказать, конечно, о том, что слово «открытость» сегодня будет повторяться, наверное, очень много раз. Нас объединяет это слово и как открытие Грушинской конференции, и как тема «круглого стола» - тема открытых исследований. И в том числе этот круглый стол организован независимым содружеством «Открытое мнение», в котором мы уже почти девять лет пытаемся продвигать саму идеологию открытых исследований, открытых данных социологических исследований. Мы провели уже довольно много разного рода

исследований такого типа - экспериментальных, но в конце концов, конечно, мы пришли к тому, что не всегда эти наши усилия по поводу открытости встречают достаточно комплементарный отклик у других целевых аудиторий. Причем эти наши попытки привнести культуру открытости для всех, в том числе для заказчиков, - это понятно, часто встречает сопротивление, но это часто встречает сопротивление и у наших коллег, таких же социальных исследователей, как мы. И в конце концов мы пришли к тому, что надо не просто делать, вот как мы думали: вот мы покажем модель, конкретные примеры открытых исследований, что тоже важно, - но надо как-то говорить и вообще о культуре открытости. То есть о некоторых таких ценностях, принципах открытых исследований, чтобы они стали привычными, приемлемыми для очень многих партнеров, контрагентов, заказчиков, коллег, журналистов, пользователей. Хотелось бы, чтобы эта тема про культуру открытости и про отдельные ее компоненты, технологии открытости стала сегодня содержанием нашего «круглого стола».

Очень кратко скажу о логике и последовательности [выступлений]. Сначала мы все-таки постараемся проблематизировать себя и всех участников, кто смотрит трансляцию [в фейсбуке]. Поставить вопрос: **в чем состоит эта самая открытость, культура открытости социальных исследований, в чем она должна состоять, каковы основные принципы.** Сергей Геннадьевич Давыдов попытается донести до нас эту проблематику. Потом, как мы предполагаем, мы придем к каким-то уже решениям, а именно поговорим о том, **кто может быть заинтересован в этой самой открытости,** и про **инфраструктуру открытости,** то есть какие именно условия должны быть созданы для того, чтобы эта культура стала нормой. И под занавес нашего «круглого стола» у нас задуман такой ход: мы с коллегами из содружества «Открытое мнение» набросали некоторую декларацию - как это обычно бывает, хотелось бы, чтобы наши посиделки, дискуссии заканчивались каким-то продуктом; в качестве такого продукта предлагается **Декларация об открытости социальных исследований,** в которой эти самые принципы мы попытались заложить. Понятно, что это пока черновик; я думаю, что мы его тут вместе обсудим и, может быть, даже поправим, а потом предполагается, что эта декларация будет вывешена в открытый доступ, и мы будем ждать реакции широкой общественности, коллег на отдельные пункты декларации, и, надеюсь, в конце концов выйдем на финальный продукт. Вот такая логика «круглого стола». Постараемся уложиться в два часа, чтобы это было все плотно, компактно, динамично, остро и живо. Потому что, как я понимаю, стандарт качества не только в контенте заключается, но и в формате: и контент должен быть качественным, и формат. Мы должны задать такую динамичную и острую модель проведения и других секций и «круглых столов» Грушинской конференции.

На этом я свое вводное слово заканчиваю и передаю слово Сергею Геннадьевичу Давыдову, который попытается нам рассказать.... Нет, все-таки прошу прощения, Сергей Геннадьевич. Мы, когда готовили этот «круглый стол», задали несколько вопросов в повестке, и подчеркиваем, что у каждого, безусловно, есть право

высказываться по всем вопросам этой самой повестки, может быть даже, выходить и за ее пределы, ставя свои собственные вопросы. Но тем не менее мы попросили всех участников сконцентрироваться на каком-то фокусе отдельно, который, нам кажется, наиболее хорошо был бы представлен конкретным спикером. Поэтому я обращаюсь к Сергею Геннадьевичу с просьбой высказаться по поводу понимания культуры открытости, но это никак не ограничивает его фантазию и содержание выступления. Единственное, буду ограничивать время. Ну, начали! Сергей Геннадьевич, вам слово.

Давыдов С. Г.: Спасибо, Игорь Вениаминович. И спасибо, коллеги, за предоставленную возможность сказать вводные и концептуальные слова; я очень надеюсь, что меня будут исправлять, дополнять, и это вызовет, безусловно, определенную дискуссию, поскольку претендовать на всеохватность и полную полноту я никак не могу, сама тема дискуссионная. И самая первая мысль, которая мне пришла в голову, когда я начал рассуждать об открытости, как о концепте, который вынесен на сегодняшний круглый стол, - я понял, что здесь таятся две ловушки, очень важные и опасные. Первая ловушка - это ловушка простоты, потому что кажется, что открытость - это просто, понятно и легко, а это совершенно не так. И вторая ловушка - это ловушка ложного консенсуса, которая возникает вокруг этой самой открытости. То есть очень легко себе представить, что, поскольку открытость представляется часто как общее благо, соответственно, кто выступает против общего блага - да в общем никто, мы все считаем, что нужно быть открытыми, это хорошо, это полезно, поэтому у открытости нет врагов. Но как только мы подходим к следующим операциям, к практике, каким-либо действиям, мы понимаем, что здесь возникает не просто проблема, а возникает целый комплекс проблем, и сфера оказывается сензитивной, болезненной, конфликтной и, соответственно, весьма и весьма непростой для обсуждения. Второй тезис, который мне хотелось бы озвучить, - это что открытость не тождественна публичности. И публичность в этом смысле может быть тоже более проста; публичность - это представление, вынесение каких-то сведений, информации, результатов на публику, открытость - это готовность изменения публичности, и здесь мы, как исследователи, находимся в сложной ситуации, потому что, с одной стороны, при всем стремлении к открытости есть вещи, которые открывать нежелательно, да и просто нельзя. Анонимность и конфиденциальность - это неотъемлемая часть исследовательской практики, и все понимают, что нет задачи от них отказаться, и более того, они полезны; важно найти баланс между этими крайними ситуациями, когда, с одной стороны, исследование не может быть открытым ни при каких обстоятельствах, оно конфиденциально, оно представляет собой коммерческую или какую-то другую тайну; и другой ситуацией, когда исследование делается ради публичности, это его неотъемлемая часть. Но это - еще раз повторю - крайние, радикальные ситуации. Между ними есть множество промежуточных, и, собственно говоря, про эти промежуточные и хотелось бы поговорить и сделать

так, чтобы тех ситуаций, в которых открытость была проявлена, было как можно больше.

Третий важный момент, на который мне хотелось бы обратить внимание, - это что открытость не просто действие, когда мы что-то открываем: мы можем открыть дверь или холодильник, и это будет наше действие. Когда мы говорим об открытости как о действии и ситуации в области социальных исследований, мы сталкиваемся с целым рядом отношений. То есть открытость в области исследований - это коллективное действие, и в это действие вовлечен целый ряд акторов. И собственно исследователь - лишь один из акторов, одна из ролей, которая здесь важна, но далеко не единственная. И в этом смысле - что это за акторы и кто влияет на открытость? Во-первых, это исследователи. Во-вторых, это заказчики и собственники данных - иногда эти роли совпадают, но не всегда. И это те люди и организации, которые непосредственно решают, что можно открыть, что нельзя. И опять же, например, по собственному опыту работы в области коммерческих исследований могу сказать, что есть определенное количество ситуаций, когда данные действительно представляют коммерческую тайну, и их открывать нельзя, но достаточно много ситуаций, когда скорее нет интереса к открытию, и, в принципе, можно открыть, и я и мои коллеги неоднократно обращались в таких ситуациях к заказчикам с предложением опубликовать, и было сказано: «Да пожалуйста, публикуйте, если вам это интересно; мы не будем платить за это деньги, мы не готовы это поддержать, но мы и препятствовать не будем. То есть мы не понимаем, для чего это нужно». А на самом деле это может быть нужно и, может быть, самим заказчикам с точки зрения развития индустрии и более широкого круга вовлеченных лиц. И в этом смысле такого рода ситуации тоже надо обсуждать и говорить о них.

Третий актор - это транслятор, в широком смысле. Это могут быть журналисты, какие-то профессиональные площадки, научные журналы, - все, кто предоставляет возможность для открытия и «опубликования» и хранения информации, данных, и они тоже задают эту культуру и создают инфраструктуру открытости, без которой, собственно, открытость невозможна. И наконец, это конечные потребители, аудитории, более или менее массовые, которые должны быть защищены культурой открытости от манипуляции с информацией, от недобросовестных интерпретаций, которые, к сожалению, присутствуют и очень часты.

Как Игорь Вениаминович подчеркнул в своем вступительном слове, инициатором этой дискуссии стало сообщество «Открытое мнение», это совершенно неслучайно, потому что, наверное, все исследователи из своего опыта могут привести какие-то примеры, когда возникали проблемы с открытостью, когда открытость становилась важной, принципиальной проблемой или задачей; но что касается «Открытого мнения», то вся история этого сообщества и его деятельность могут рассматриваться как набор кейсов открытости и проблем с открытостью. Мы начали свою работу в 2011-2012 годах, когда недостаток

открытости данных и методики исследования в рамках электорального процесса потребовали дополнительного обсуждения, дополнительной открытости со стороны опросных фабрик.

И это был лишь один из примеров, когда потребовалась открытость, сообщество исследовательское и наше сообщество «Открытое мнение» с этим справились. Дальше были еще кейсы; был кейс выборов в Москве, когда четыре опросные организации открыли свои данные, предоставили все методики, базы данных и позволили совершить процедуру экспертизы – методической, групповой. Это был новый шаг, новый этап. В принципе, так о каждом исследовании можно рассказать. Я уверен, коллеги приведут множество таких примеров, но я хотел бы подчеркнуть, что это позитивный опыт реализации открытости, и мы это можем. И давайте пойдём дальше, давайте обсуждать, как сделать открытость более открытой, как идти по этому пути.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое, Сергей Геннадьевич. Мы начали с того, что... Хотя очень удивительно: думали, что начнем с того, что открытость – это, само собой хорошо, а вот Сергей Геннадьевич сказал: нет, есть ограничения, и они очевидны. Мы, собственно говоря, затеяли этот разговор про открытость, чтобы попытаться каким-то образом эти ограничения преодолеть – корректно, естественно. Для того чтобы открытость данных социальных исследований стала бы в известной степени нормой. Естественно, со своими отдельными исключениями. Но сейчас как раз она [открытость] не норма. Сейчас как раз те случаи, когда коллеги полностью открывают данные в том числе первичные массивы, – это скорее исключение. Лариса Борисовна [Косова] наверняка нам расскажет потом про архивы, и мы поймем, какая маленькая доля из всего огромного потока данных и производимой социологической информации попадает в открытый архив. Естественно, что это пока не норма, и в некотором смысле «Открытое мнение» – это содружество почти маргиналов в профессиональном кругу.

Но тем не менее будем двигаться дальше. Здесь я хотел бы обратиться к Анне Владимировне Андреевской и, возможно, к Юлии Михайловне Баскаковой с одним вопросом. Вообще в нашей русской культуре, когда обсуждается какой-то вопрос и возникает сомнение, надо ли что-то делать или не надо вообще, хорошо это или плохо, всегда возникает вопрос: **а как там у “них”, за рубежом?** И если “у них там” это принято, то в некотором смысле это серьезный аргумент к тому, чтобы делать так же у нас. Ссылаться: в соседнем колхозе уже давно открывают данные... Вот хотелось бы узнать, как там у них, “в мировом масштабе”? Насколько действительно эта практика распространена? Анна Владимировна, начнете?

Андреевская А. В.: Да, с удовольствием. При изучении международного опыта в области открытости данных опросов и попытке обобщить этот опыт в первую очередь хочется обратить внимание на то, что такой опыт отнюдь не

единообразен. На сегодняшний день пока не выработано ни единых стандартов, ни единых требований - юридических, этических, практических - к открытости данных. Межстрановое и межинституциональное разнообразие в этом плане огромно. Чтобы структурировать опыт, который сейчас есть, надо ответить, как мне кажется, на три главных вопроса. Это вопросы простые: Что? Зачем? И почему?. Что - это вопрос, о чем именно мы говорим: какие именно данные, что должно стать предметом открытости. Зачем - вопрос о том, каковы цели и функции открытости, чего мы хотим добиться, открывая такие данные. Почему - вопрос о врагах открытости, который поднял Сергей Геннадьевич, о барьерах, которые стоят на пути открытости, почему открытость данных не стала до сих пор повсеместной практикой. Отвечая на первый вопрос и описывая международную практику о содержании открытых данных а мы сейчас говорим о данных опросов, мы видим две большие категории. Это категории носят юридический характер и имеют отношения к собственности данных. Первая категория - это данные, которые были произведены на частные средства, вторая - данные, произведенные на общественные, в том числе государственные, средства. С данными частными регулирование идет на уровне контрактов, поэтому мы можем пока отложить эту историю, хотя, несомненно, она тоже требует обсуждения, и очень глубокого.

Данные, которые собираются на общественные средства, тоже подразделяются на несколько категорий, и каждая из них ведет себя по-разному. На общественные средства собираются данные академические, которые финансируются через научные фонды, государственные университеты, государственные научные учреждения - косвенное общественное финансирование. Это отдельный большой, даже огромный пласт такого рода данных. Другой пласт столь же велик, но совершенно другой - это данные, которые собираются государственными статистическими органами для целей общественного информирования и целей государственного управления. И третий вид данных - данные, которые производятся для информационной поддержки конкретных управленческих задач и решений, и напрямую финансируются государственными органами и институтами.

Эти три вида данных по-разному ведут себя в отношении открытости на сегодняшний день. Можно сказать, что наиболее продвинутыми, условно продвинутыми, являются данные академического характера. Но и в отношении этих данных, в том числе финансируемых научными фондами, не существует твердых стандартов об обязательной их публикации. Для каждого конкретного исследования и конкретного проекта еще на уровне заявки на финансирование оговариваются условия открытости. Тем не менее для академических данных существует довольно большое количество косвенных рычагов, которые подталкивают исследователей к открытию этих данных. Один из них - публикационный. Все мы знаем, что часто научные журналы требуют предоставить возможность для верификации результатов, на которых основаны научные статьи, и, таким образом, открытые данные пользуются гораздо

большим доверием в журналах и публикационной деятельности, чем закрытые данные, которые нужно особым образом описывать, оговаривать, доказывать их научную обоснованность. В академическом сообществе довольно большое количество больших, масштабных проектов с большим количеством данных, которые анализируются на протяжении длительного периода времени. И исследователи, которые производят данные, довольно редко являются теми же, кто их анализирует. Вторичный анализ данных применяется даже более широко, чем первичный. А для вторичного анализа необходимо архивировать данные, сдавать их в общественные архивы. Это тоже рычаг, который естественным образом подвигает исследователей к тому, что открывать свои данные.

В отношении второго рода данных - государственной статистики - история очень неоднозначная. На первый взгляд цель этих данных - в первую очередь общественное информирование. И, действительно, данные государственной статистики всегда в какой-то степени публиковались, с самого раннего этапа развития таких данных. Однако у открытости таких данных есть особая специфика. Вид данных, которые публикуются государственными статистическими органами, многие десятилетия был исключительно агрегированным. Данные индивидуального уровня (микро-данные) публиковались до недавнего времени крайне редко. В последние два десятилетия во многих странах, европейских в первую очередь, это меняется. Мы сейчас не говорим о таком специфическом опросе как перепись населения. Но все остальные опросы, которые проводятся статистическими органами в Европе и Америке, постепенно открываются и на индивидуальном уровне, а не только на агрегированном уровне. Хотя там возникает очень много ограничений, о которых сказал сегодня Сергей Геннадьевич, в отношении конфиденциальности данных и защите частной информации.

Третья группа данных - данные, производство которых напрямую финансировалось государственными органами, наименее открытая во всех странах. Чаще всего мы можем получить доступ к данным опросов международных организаций, таких как ВОЗ, ОБСЕ, Всемирный Банк, EBRD, ЮНЕСКО. Не все, но значительную часть своих данных такие организации публикуют. Они вынуждены отчитываться перед людьми и организациями, которые вносят вклад в финансирование таких исследований и делают это через публикацию результатов. В остальном каждое конкретное государственное агентство во всех странах действует по своему усмотрению, по своему стандарту.

Тогда стоит вопрос: зачем вообще открывать данные? На этот вопрос я ответила бы четырьмя пунктами. Извините, отвечаю пунктами, так легче и короче. Так как мы говорим о данных, которые произведены на общественные деньги, то первой причиной открытия данных я бы назвала необходимость отчетности за потраченные деньги, в том числе перед обществом. Тратя общественные деньги, необходимо предоставить продукт, который был за эти деньги произведен, для общественного использования и экспертизы. Во вторую очередь это, конечно,

возможности для вторичного анализа данных, для того, чтобы данные жили гораздо дольше, чем их конкретное целевое использование в рамках одного проекта, использование часто не для тех же целей, для которых они первоначально были собраны.

В-третьих, это возможности для контроля качества данных, их экспертизы. Международный опыт показывает, что любое открытие данных довольно быстро ведет к повышению качества и конкретного проекта, а впоследствии нередко и всей отрасли. Открывая данные, волей-неволей, даже неволей, приходят к тому, что многие процедуры становятся более формализованными, более документированными.

Ну, и четвертое, я бы сказала, - это жадность, хорошая человеческая жадность. Архивация сама по себе, без конкретной цели, желание сохранить созданное - это то, чем человек занимается в библиотеках, архивах, собирая письма, предметы, осколки. Казалось бы, зачем это делать? Да ни за чем. Хотя в конечном итоге сохранение произведено часто приводит к открытию совершенно новых возможностей. Один документ, одно письмо или одно исследование, один опрос общественного мнения, может быть, никому и не нужен, а если собрать их тысячу за какой-то период времени, макроанализ уже становится интересным. То есть архивация интересна и важна сама по себе. Люди не склонны выкидывать то, что они произвели, затратив большое количество ресурсов.

Суммируя все сказанное, кажется очевидным, что открытые данные - дело хорошее. Почему же до сих пор это не было сделано, идея открытости в полной мере не воплощена? Проанализировав то, что можно увидеть на основе международного опыта, я вижу пять значимых барьеров, каждый из которых существует практически во всех странах, и в нашей стране в частности. Первое, не в полной мере осознана сама необходимость и ценность архивации и осуществления доступа к данным опросов. В академическом сообществе такое сознание значительно выше, и во многом именно благодаря этому внедрена более продвинутая система архивации академических данных. В отношении государственных исследований, которые чаще всего позиционируются как исследования прикладные, например, оценка эффективности какой-либо кампании, избирательного процесса, часто не представляется, что они будут иметь более долгосрочные цели использования. Это серьезный барьер.

Второй барьер юридический, отсутствие законодательного обеспечения того, что такие данные могут быть открыты; законы о частной информации, которые сейчас серьезно ограничивают раскрытие данных, хотя, оговорюсь особо, это препятствие не непреодолимо, хотя и серьезно, и должно учитываться, а также юридические права интеллектуальной собственности, которые тоже должны быть решены при открытии этих данных.

Третий барьер - это наличие инфраструктуры для архивации и обеспечения доступа к данным опросов, но это барьер очевидный и раскрывать его подробнее не буду.

Хочу остановиться на четвертом - культуре документирования данных опросов. Пока об этом еще мало говорилось (я выступаю вторая, может, другие еще скажут). Мне кажется, в отечественной науке мало обсуждается проблема, что документирование материалов исследований для того, чтобы обеспечить к ним публичный доступ, - чрезвычайно трудная задача. Более того, это самостоятельный процесс, требующий значительных ресурсов - и денежных, и временных, а также профессиональных знаний. Также требуется выработка и соблюдение определенных стандартов кодирования данных, представления результатов. По моим оценкам, этот этап занимает не менее 10-15% общего времени, которое требуется на реализацию исследовательского проекта. Например, в проекте, которым я занимаюсь, в ESS (Европейское социальное исследование), который проводит ЦЕССИ, именно столько времени и бюджета, а время проекта немалое, не менее шести месяцев на одну волну, мы тратим на подготовку документов в архивированию, очень большое время и нужны очень хорошие навыки.

Хочу отметить, что эти барьеры нужно осознавать и учитывать, но все они не являются непреодолимыми. Они естественным образом препятствуют легкому, как Сергей Геннадьевич справедливо сказал, внешне простому и столь очевидному направлению, как открытие данных опросов. Но подойдя к проблеме серьезно, она вполне поддается решению.

Модератор Задорин И. В.: Анна Владимировна, спасибо вам большое. Я уже хотел было прервать, но моей жестокости не хватило на вас. Сейчас она вся будет предоставлена Юлии Михайловне. Жесткость по соблюдению времени. Юлия Михайловна, секундочку... Анна Владимировна, можете повторить еще раз четыре главные цели открытости? Я про жадность запомнил - последнее, а перед этим там три? Очень важно.

Андрееenkova А. В.: Отчетность; возможности для вторичного анализа; контроль качества и экспертиза данных, и - жадность.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое. Кстати, обращаю внимание, что в мою почти пионерскую молодость, когда я еще программистом работал, были такие понятия, как hardware, - понятно, что это "железо", software - в смысле программы, и было еще понятие mentware. Под этим как раз понималась документация к программному обеспечению. В этом смысле спасибо Анне Владимировне, я вспомнил про важность третьей компоненты любого продукта - документацию на него. Юлия Михайловна, я надеюсь, что у вас там уже время проснувшихся?

Баскакова Ю. М.: Безусловно. В Нью-Йорке 10.40 утра, а я готова поделиться своими соображениями в отведенные мне 10 минут.

Модератор Задорин И. В.: Семь.

Баскакова Ю. М.: У Анны Владимировны было 13, я протестую, это дискриминация. Но вы можете меня прервать.

Коллеги, я начну с ответа на вопрос Анны Владимировны, который она сформулировала в завершение: «Почему открытость в России не работает?» Короткий ответ звучит так: потому что в России открытость - это сферический конь в вакууме; никто не знает, что это такое, а когда мы начинаем пытаться открыть данные, которые должны быть якобы доступны публике максимально подробно и максимально полно, вдруг выясняется, что это большой объем работы; этот большой объем работы требует колоссального объема ресурсов и усилий, и непонятно, зачем их прикладывать. Так вот основной пафос моего выступления будет состоять в следующем. Я полагаю, что исследователи, компании, представители бизнеса должны и вправе приватизировать дискурс открытости, забрать его себе назад, потому что они - именно они и никто другой - являются главным интересантом открытости. Все потенциальные потребители информации, которые могут использовать данные, которые мы публикуем, - их много, но они все вторичны, и они не всегда знают, что делать с этими данными; данных в мире вообще много, и как с ними работать - отдельная тема.

А у полстеров есть прямой и вполне понятный интерес, потому что продукт полстера - это те выводы, которые он делает на основе данных. И почему кто-то должен верить полстеру, если полстер не в состоянии объяснить понятно, что и как он сделал? Объяснить, почему его продукт - не шарлатанство, а процедура, которую можно повторить и верифицировать. Если у нас есть этические кодексы, если у нас есть процедуры открытости, то это наши с вами инструменты продвижения опросов как надежного продукта, который имеет ценность для самых разных заинтересованных сторон. И вокруг этого можно построить работающую инфраструктуру открытости, потому что с такой постановкой мы понимаем, в чем наш интерес и как подходить к реализации этого интереса.

Конечно, на пути реализации открытости возникают проблемы. Главная проблема состоит в том, что никто не знает, что такое открытость. Нет стандарта и договоренности, а что мы должны открывать? Когда мы задаем вопрос «что?», мы слышим ответ: «ну, максимально полно». А максимально полно - это как? Это массив на сайт повесить? Массив контактных данных? Протокол инструктажа интервьюеров? Саму инструкцию? Что еще? Здесь возникает очень много нюансов, и с этим надо работать очень осторожно. Есть способы описать элементы открытости; есть способы технологизировать процедуры, и, главное - это уже сделано. Когда нет процедур, когда мы не знаем, что нам нужно открывать, все на всякий случай пугаются и на всякий случай ничего не показывают: ну мало ли, вдруг найдут какие-то скелеты в шкафу. Поэтому тема процедурности здесь будет первой проблемой.

Тему персональных данных мои коллеги передо мной затронули. Есть лимиты раскрытия, здесь все понятно.

Одна не затронутая тема состоит в том, что открытость можно использовать как инструмент харассмента. Ну, не понравился мне полстер, условный ВЦИОМ, - давайте мы сейчас заявим, что ВЦИОМ не опубликовал какой-то массив; давайте мы требуем с него этот массив и начнем там искать, а что с чем не стыкуется. Всегда что-то с чем-то не стыкуется. Открытые данные можно использовать не только для того чтобы какую-то проблему прояснить, их можно использовать для того, чтобы проблему для кого-то создать. И есть защитные процедуры. Например, в AAPOR, они прописаны на уровне этического кодекса. Вполне себе важная история, которую можно среди прочего заимствовать.

Третья тема, которую мои коллеги затронули, и Анна особенно на ней остановилась, - это трудозатраты, которые могут вылиться в месяцы работы. Допустим, к нам приходит запрос на какой-то массив данных, и он создает много проблем: где эти данные лежат, как они описаны, как их очистить от персональных данных, других проприетарных данных. Это действительно трудоемко. С другой стороны, если вы сертифицированы, если у вас описаны процедуры, если вы сертифицированы по ISO или по стандарту ОИРОМ, все эти шаги стандартизованы. У вас уже есть все эти инструкции, пакеты, стандарты, шаблоны. В России есть несколько компаний, которая сертифицирована по стандарту ISO, много компаний, которые сертифицированы по стандарту ОИРОМ. Вполне себе рабочая история.

Еще одна из проблем с открытостью в России, на мой взгляд, состоит в том, что открытость - это не очень прямой инструмент для продаж. Если вы будете открыты, то на вас вдруг заказы с неба не посыплются; вы присоединитесь к какой-то там декларации, вы что-то там подпишете... Это не сделает вас одномоментно привлекательнее ваших конкурентов. Вам все равно придется быть быстрыми, вам все равно придется предлагать низкие цены, все равно придется предлагать свежие решения. Но сейчас весь мир, мировой рынок идет в этом направлении, и остаться в стороне от этого процесса - это проиграть.

А как с открытостью дела в мире? Анна упомянула, что нет стандарта, у всех все по-разному. Это действительно так. И мало кто знает, что такое открытость. Мы с коллегами сейчас создаем международный архив данных исследований по коронавирусу, и я пишу запросы по всему миру: коллеги, поделитесь. Многие делятся, но каждый делится чем-то своим; каждый открывает то, что у него есть. Это очень такая любопытная история, связанная со стандартами проведения исследований. Действительно, нет общего стандарта.

Но если присмотреться внимательнее, оказывается, что велосипед уже изобретен. Есть такая организация - AAPOR - американская ассоциация исследователей общественного мнения. Там есть Transparency Initiative - это инициатива прозрачности. Эта история развивается с 2004 года, когда в кодексе о стандартах исследования и в этическом кодексе появился раздел о правилах раскрытия

данных: что раскрывать, как раскрывать и для кого раскрывать. Что по запросу, а что при публикации по умолчанию. И сейчас это работающая, действующая структура, где есть понятная процедура. Если вы откроете их чек-лист, то вы увидите, что, если вы опубликуете результаты исследования на сайте, то вот список того, что вы должны открыть: раз-два-три-четыре-пять. Дальше. Если к вам кто-то обращается с запросом о данных, то вы должны раскрыть раз-два-три-четыре-пять. На каждый вид исследования есть такой список. Очень конкретно, очень операционально. Легко укладывается в любой ISO. Но кстати, только одна российская компания является членом Transparency Initiative - угадайте, кто. ВЦИОМ.

Был еще вопрос о том, что еще мешает сделать исследования за государственные средства открытыми. И коллеги передо мной, выступая, упоминали словосочетание «общественные деньги». Тоже не очень понятно, что это такое. Понятно, что государство - это бюджет, бюджет - это налогоплательщики, налогоплательщики - это мы с вами. Но мы так же вместе с вами хорошо знаем, почему заказчик не открывает эти данные. И в России он их не очень скоро откроет. Здесь есть целый комплекс системный проблем - о них можно говорить отдельно. И кстати, полстеры не заинтересованы давить, потому что есть риск лишиться части заказов. Могу добавить, что в мире история примерно такая же. Какие-то ведомства что-то публикуют, но какие-то нет. Например, в Штатах есть закон, федеральный акт о раскрытии информации. Если вы увидели результаты исследований на сайте Госдепа, там есть форма, вы можете ее заполнить, и вам Госдеп выдаст данные. Или не выдаст и скажет: «Это секретная информация». Но он обязан вам ответить, потом он обязан отчитаться по всем этим запросам и опубликовать отчет на своем сайте: кому отказал, кому не отказал. Вот есть такой государственный механизм. У нас такого пока нет.

У нас есть много исследований за свои деньги, - что нам мешает публиковать их? Есть, например, прекрасная организация, Евразийский монитор. Там опубликованы отчеты, там опубликованы презентации, может быть, что-то еще можно опубликовать? Есть коллеги, которые делают исследования за свой счет, за свои деньги по коронавирусу. Может быть, они могут что-то дополнительное раскрыть? ВЦИОМ вешает массивы, у других такого пока не видела. Когда такой механизм появится, когда появится понимание, что и как вешать, возможно, будет проще убедить других заказчиков, в том числе коммерческих, что делиться данными исследований, в том числе первичными, - это выгодно, в том числе для них - это продвижение.

Вполне можно разработать запустить процедуры на основании той же Transparency Initiative, чтобы не изобретать велосипед. Формировать инфраструктуру открытости.

Был такой вопрос: нужна ли нам единая площадка? Мой короткий ответ: нет, не нужна. Почему? Потому что сам концепт резко сужает мотивацию к открытости. Давайте сначала договоримся о том, что сдавать и сдавать ли вообще.

Transparency Initiative не требует от вас публиковать массивы на сайте; главное, что вы должны сделать, - это предоставить детальное описание методологии по заданному списку критериев. А массив вы можете прислать по запросу тому, кто попросит. Если у вас есть инфраструктура, если у вас есть «Меркурий», как у ВЦИОМа, вы можете спокойно сделать данные публичными или доступными по подписке, или как-то еще. Зачем изобретать единую базу?

Кстати, в мире есть уважаемый архив, куда организации спокойно могут сдавать данные, и кто-то даже сдает. Это Roper Center, туда сдает данные ВЦИОМ. Их минус - это платная история, на него подписаны вузы, но частному исследователю это может быть дороговато. Есть другой архив, архив Мичиганского университета, второй в моем списке, он, насколько я знаю, открыт. Там требования на сдачу ниже, и там тоже легко стать донором. Есть российские архивы, в которые тоже можно сдавать данные. Поэтому нужна ли эта площадка, не уверена.

Мой финальный слайд с ответом на вопрос “как сформировать культуру открытости исследования общественного мнения”. Первое - нужно строить инфраструктуру, ассоциацию с правилами, кодексами и процедурами. Будет инфраструктура - будет культура открытости. Пока не будет этой инфраструктуры, практики открытости могут внедряться на уровне отдельных компаний, давать им преимущества, но на уровне сообщества они, наверное, не заработают. Есть готовый опыт - Transparency Initiative - инициатива прозрачности, туда можно вступить, можно сделать какой-то российский аналог, опять же, не изобретая велосипед. На уровне отдельной компании можно начать с себя, взять гайдлайны, прописать процедуры, опубликовать политику открытости на сайте, определить для себя, что такое открытость, и это может стать хорошим драйвером для того, чтобы двигаться в этом направлении и дальше.

Спасибо, коллеги, у меня все.

Модератор Задорин И. В.: Да, спасибо больше. Представляете муки модератора, когда такой содержательный доклад, а я должен следить за временем. Но для того чтобы психологически поддержать Юлию Михайловну, я вот передел пионерский галстук на трамповский, возможно, он вам будет поближе в Штатах. Я иронизирую.

И хотел бы отметить, что, конечно, сертификация по стандартам ISO в России есть не только у ВЦИОМа, а есть еще у компании OMI [+ отделений транснациональных компаний типа GfK]. И общественные деньги, конечно, не ограничиваются государственными. В частности, наш (содружества «Открытое мнение») конкретный пример показывает пока действительно экзотический способ финансирования исследований, но тем не менее мы его применяли, - это краудфандинг, и в общем в отдельных случаях он действительно может оказаться успешным и эффективным.

Я вижу, что к нам в zoom присоединяются все новые и новые коллеги. Понятно, что мы опаздываем уже от графика на 15 минут. Тут мы, конечно, вспоминаем, что у нас есть резерв. Тем не менее я все-таки обращаюсь ко всем последующим выступающим: постарайтесь выступить максимально сжато и динамично. Безусловно, первые коллеги нам задали такую высокую планку обсуждения.

Теперь - после того как мы увидели и услышали про богатый зарубежный опыт - я хотел бы перейти к вопросу о том, кто у нас в России действительно может выступать в качестве союзника для исследователей в открытости, кто может быть «заинтересантом», главным субъектом продвижения культуры открытости исследований. Здесь у нас Мария Георгиевна предполагала выступать по этому поводу. Мария Георгиевна, вам слово.

Мацкевич М. Г.: Спасибо, коллеги, постараюсь максимально кратко. Сегодня уже прозвучали как минимум два противоположных суждения. Одно - что открытость информации - это безусловное общественное благо. Другое - что, в общем, это может и не восприниматься как благо. И здесь вспоминается советский анекдот про спрос. Иностранцу объясняют, почему в СССР не продают черную икру. Рекомендуют зайти в магазин и постоять у прилавка. Иностранец уходит, возвращается. – Ну как? – Покупатели спрашивали, привезли ли в магазин хлеб, привезли ли молоко, сахар. – А черную икру не спрашивали? – Нет. – Ну вот видите, нет спроса...

В этом смысле мы можем отчасти заметить, что в России не то чтобы спроса на открытость нет совсем, но он явно не того масштаба, который бы подталкивал всех исследователей - как академических, так и тех, кто делает прикладные исследования, - раскрываться, делать свои данные открытыми. Поэтому я хотела бы сказать о том, что (или кто) могло бы послужить стимулом к раскрытию данных - даже если сейчас это не так.

Прежде всего, создать этот спрос, запрос на открытость должны мы сами. Никто, кроме нас, желающих раскрыть данные и продвинуть культуру открытости, не сделает эту часть работы. То есть нужно попытаться создать среду, которая будет требовать от нас открытости.

Кто мог бы быть драйвером? Первое, с чего хочется начать, - это коллеги. Приходится сталкиваться с тем, что коллеги (как академические исследователи, так и те, кто занимается прикладными исследованиями), зачастую вообще не видят необходимости в открытости. Можно услышать, что открытые данные уже есть - академические международные сравнительные исследования, - и этого достаточно. Более того, остальное будет только мешать, потому что не ценно, не важно, не системно. Причин коллеги могут назвать довольно много. Более того, как мы знаем, часто культура восприятия количественных данных у многих (даже коллег) не очень развита. Конечно, по-разному относятся к данным. Но нет принципа - доверяем данным, которые раскрывают свою методологию, и меньше доверяем (или совсем не доверяем) тем, кто методологию не раскрывают.

Разумеется, к данным могут относиться по-разному. Например, какие-то данные больше нравятся просто потому, что они больше соответствуют чьим-то взглядам на мир и т.д. Но совсем не на основании открытости/закрытости. Поэтому среди задач, стоящих перед профессиональным сообществом - продвигать культуру запроса на такое раскрытие.

Еще один стейкхолдер спроса на открытость - коллеги из близких дисциплин: политологи, экономисты, демографы, статистики и т.д. Пока единых стандартов раскрытия методологической части нет, но необходима коммуникация между этими близкими профессиональным сообществами.

Следующий пункт - СМИ. Мне кажется важным включить в число в СМИ социальные сети: блогеры, как мы знаем, сами себе СМИ, и зачастую более влиятельные, чем традиционные медиа. Влиятельный блогер может стать каналом продвижения культуры открытости, который будет гораздо более эффективен, чем традиционное, «старое» СМИ. Никто за нас не расскажет журналистам и блогерам, почему важно различать тех, кто раскрывает данные, и тех, кто их не раскрывает. Как мы видим сейчас по дискуссиям, которые периодически возникают в СМИ в связи с опросами, не существует такого критерия: компаниям, которые раскрывают данные, мы можем доверять, которые не раскрывают - не можем. Мы видим, что дискуссия строится на совершенно иных основаниях.

Наконец, некоммерческие организации. Они могут быть и заказчиками, и потребителями информации. Не совсем очевидный - по крайней мере на сегодняшний момент в России - драйвер. Зачастую НКО считают так: если они заказывают исследование и раскрывают его результаты и методологию, то становятся уязвимыми для критики. И это тоже отдельный вопрос: как обеспечить доверие между некоммерческими организациями и исследователями, потому что стандарты, сохраняющие конфиденциальность и ограждающие от злоупотребления открытостью, тоже очень важны.

В числе «интересантов» - политические объединения и ассоциации, общественные движения. Вот уж кто, казалось бы, должен быть максимально заинтересован в открытых данных. Это ресурс, с которым, как мне кажется, исследовательскому сообществу надо серьезно работать.

И наконец, последнее, но наиболее важное. Кто больше всего заинтересован в открытости исследований? Это все граждане. При этом ничего кроме объяснения и разъяснений работать не будет. Само по себе раскрытие, как мы знаем, не работает. Необходимо, чтобы граждане оценили открытость. И не только оценили, но и готовы были ее поддержать, в том числе финансово, не говоря уже о том, чтобы просто делиться информацией, которой можно доверять, потому что она соответствует определенным стандартам. Для того чтобы спрос со стороны граждан повысить или вообще создать, необходима серьезная работа. Вплоть до того, что мы, как исследователи, профессиональное сообщество, должны работать со школьниками. Как можно было бы создать запрос на открытость исследований

и готовность разбираться в стандартах открытости? Теоретически уже сейчас это включено в школьное обществознание - навык понимать информацию о социологических, прикладных исследованиях. Но, как мы понимаем, в реальности школьный курс обществознания этого пока не дает. Необходимы наши усилия, чтобы, во-первых, это было включено в курс по обществознанию, как часть необходимых любому гражданину навыков работы с информацией. Во-вторых, почему бы нам не приходиться в школы или не создать ориентированные на школьников онлайн-курсы, рассказывающие о том, как разбираться в информации, которую дают социологи и поллстеры? Мне кажется, над этим нужно работать. Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо больше, Мария Георгиевна. Очень важно сказать по поводу такого стейкхолдера как “граждане”. Сомнительный, так скажем, стейкхолдер, но для нас самый дорогой. Если действительно широкая общественность будет заинтересована в открытости социальных исследований, то, может быть, и другие стейкхолдеры будут как-то более стимулированы к этому же.

И вот здесь по нашему плану мероприятия должна была быть передача слова тем самым “другим стейкхолдерам”. В нашем тайминге предполагалось выступление государственных заказчиков [исследований], которые должны были бы сказать, почему они заинтересованы, а скорее не заинтересованы в открытости социальных исследований, сделанных по их заказу.

Но поскольку пока их нет, я бы передал слово самому главному знатоку государственных заказчиков и государственных баз данных, открытых данных. Это Иван Викторович Бегтин. Он уже неоднократно показывал очень хорошие примеры открытости и работы с государственными базами данных, многие примеры иногда даже казались удивительными.

Иван Викторович, вам за государственных заказчиков в некотором смысле придется чуть-чуть отдуваться, но не без критики. Пожалуйста.

Бегтин И. В.: Коллеги, добрый день. Я тут буду в состоянии тройной шизофрении выступать: я являюсь представителем Ассоциации участников рынка данных, директор АНО «Информационная культура», которое специализируется открытых данных, и с недавних пор я являюсь заместителем директора казенного учреждения Счетной палаты - если переводить на русский язык, я отвечаю за открытые данные в Счетной палате, за их использование и раскрытие.

Я могу сказать честно, как руководитель и как тот, кто смотрит на социологию со стороны: уровень доверия к текущим социологическим исследованиям минимальный. Никто не смотрит чаще на методологию, никто не смотрит на то, кто это делает. Мало кто знает, что существуют разного рода стандарты открытости у социологических организаций. И кулуарно-консенсусное решение -

что ничего, кроме насильственных методов, работать здесь не будет. Потому что насильственные методы применяет наше государство в разных областях - давайте сделаем государственную информационную систему, обяжем всех публиковать там данные, а это несложно, это вопрос исключительно заинтересованности: обязательно, например, сдавать результат по госконтрактам в определенных форматах стандартах, в определенном виде и делать их общедоступными. Пока этому препятствуют исключительно позиции тех заказчиков, которые заказывают исследования, которые нужны для легализации собственных решений, а не для того чтобы знать состояние общественного мнения.

Поэтому стандартный механизм - это механизм насильственный, он активно применяется, например, в отношении учреждений культуры, бюджетных учреждений: вы должны сдавать огромное количество отчетов в разных форматах и разного рода других административных данных в систему Минфина. Или, например, сейчас все культурные учреждения, музеи сдают в обязательном порядке огромное количество данных по требованиям Министерства культуры. Еще раз повторюсь: не очень сложно внедрить подобное.

Поэтому могу сказать, что одна из мотиваций у многих типов организаций, которые занимаются открытостью данных, - это модель саморегулирования. Это называется «давайте мы сделаем сами то, пока нас не заставят делать то же самое в гораздо менее гуманной форме». Обычно все, кто пытается саморегулироваться и не может, говорят, что лучший способ - саморегулироваться. Конечно, плохо это работает на одной площадке; здесь нужны стандарты раскрытия. Хорошо, когда эти площадки идут от каких-то ассоциаций либо от каких-то третьих, независимых игроков. Могу привести пример. От Инфокультуры мы делаем площадку для раскрытия данных от некоммерческих организаций под эгидой фонда «Президентский грант»; мы заручились их поддержкой, потому что они подталкивают НКО, которые получают у них деньги, на раскрытие данных маленькими шагами - от рекомендаций до которым в будущем обязательных требований о раскрытии данных по результатам гранта. Но пока эти некоммерческие организации спасает то, что мало данных они производят, стараются давать заявки на те гранты, где много контента и мало данных. Есть такое явление.

Если говорить про то, что мы обсуждали сегодня, то, конечно, если бы было соответствие некоторым стандартам, регулярная оценка по ним, то это бы оказывало некоторую пользу и большую доверительность со стороны потребителей социологии. Могу сказать просто, что каждое сообщество созревает постепенно, но, например, от информационной культуры и отчасти от Счетной палаты мы сейчас занимаемся регулярной оценкой разных организаций на предмет их открытости. Самых разных: от уже публичных - оценки открытости государственных систем, оценки открытости органов власти (не буду сейчас анонсировать, там еще в нескольких областях за пределами госсектора мы также

оцениваем эту открытость). И если вы начнете осуществлять оценку социологических служб, которые сейчас существуют в России, их открытость на соответствие стандартам, это тоже некоторый путь к доверию и последующему иному восприятию как в медийном, так и в профессиональном поле, к тому, что делается. Этого сейчас не хватает. Если есть какая-то ассоциация социологических служб, в идеале это было бы от нее, если нет - то какой-то третий, независимый игрок, какая-то самостоятельная... То есть это точно не от одной из организаций, которая непосредственно является игроком на рынке.

Могу добавить лишь еще, что, например, со стороны Счетной палаты мы не скрываем, что активно лоббирует направление раскрытия результатов государственных контрактов. Если сейчас у нас вся коррупция сместилась в планирование госконтрактов и сокрытие результатов, не надо полагать, что кто-то этого не знает или кто-то этого не понимает. Поэтому введение каких-то требований по раскрытию результатов, например, госконтракта, связанного с социологией, тоже возможно. Возможно, не первый приоритет. Всегда первый приоритет - это фармацевтика, медицинские изделия; социология - это дай бог десятая доля процента от всего госзаказа. Но оно неизбежно так или иначе возникнет.

Чтобы подытожить. Если говорить про потребителя в лице государства, то государство предпочитает механизмы насилия, когда возникает консенсус уже, что его делать. Саморегулирование - это один из путей избежать этого. Общественная организация, которую я также представляю, пытается взаимодействовать с организациями отраслевыми. Мы работаем с академическим сообществом на предмет раскрытия информации об их академической деятельности, рано или поздно мы чего-нибудь добьемся, там есть к этому зрелость. Там, где к этому зрелости нет, после того как не получается пойти к представителям самих организаций, обычно идут к государству и пишут требование: давайте государство порегулирует, чтобы вот эти, эти и эти обеспечивали некоторую открытость результатов траты общественных денег. Поэтому еще раз подытоживая, я всячески призываю саморегулироваться, устанавливать общий стандарт и адаптировать международные до того, как к этому может быть внешнее понуждение. Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое, Иван Викторович. По поводу внешнего понуждения - это да, актуально, особенно для нашего сообщества. Спасибо за упоминание таких важных игроков на этом поле, как профессиональные ассоциации. К сожалению, в социологическом сообществе это большая проблема что-то сказать по поводу активности профессиональных ассоциаций, которых у нас много, но активность их с точки зрения открытости оставляет желать лучшего.

Хотел бы обратить внимание коллег, что начали поступать вопросы в чате: и в нашем Zoom-чате, и в чате трансляции в Фейсбуке, и мы будем их периодически опубличивать, открывать и, возможно, будем на них отвечать.

За счет отсутствующих государственных заказчиков мы компенсировали наше отставание по времени. Почти, можно сказать, возвратились в график нашего, так сказать, курьерского поезда. Несмотря на видимую усталость Валерия Валерьевича [Федорова], мы движемся очень динамично, энергично.

Продолжу. Вот на что я хотел бы переключить наше внимание. Мы зафиксировали как проблемы, так и возможных союзников в их решении. То есть тех интересантов, которые тоже могут быть двигателями культуры открытости и союзниками исследователей. Вместе с тем очень важно сказать **про инфраструктуру, про условия открытости**. То есть про некоторые технологии, потому что заинтересованность в конце концов может возникнуть, а условия будут отсутствовать. И даже когда у какого-либо субъекта будет появляться горячее желание - а давайте я действительно открою свои богатства, данные социальных исследований, которые накопил - у него тут же вопрос возникнет: что я должен при этом делать, какие следующие шаги, куда это все нести и в какой форме.

И в этой связи я хотел бы передать слово двум нашим коллегам, которые представляют замечательные институты инфраструктуры открытости. Это Лариса Борисовна Косова, директор Единого архива экономических и социологических данных ВШЭ, и Константин Павлович Кокарев, который заведует отделом аналогичной научной библиотеки РАНХиГС.

Лариса Борисовна, давайте с вас начнем, с вашего богатого опыта по депозитарию, по хранению открытых данных. Кто к вам приходит с этим замечательным мотивом, и как он работает с вашим архивом?

Косова Л. Б.: Спасибо большое. Если можно, я начну чуть-чуть раньше. Я понимаю, что каждый из нас смотрит на проблему открытости со своей кочки. С той кочки, с которой я смотрю, проблема открытости решена лет этак 70-75 назад. Это время, когда появился Roper Center, первый в мире архив данных по социальным наукам. В создании Roper Center было два драйвера. Вернее, две группы драйверов. Первая - о чем сказала Анна Владимировна, прагматическая: столько денег вложено в проведение исследований, и что, это зря пропадет? Практичные американцы не хотели, чтобы это пропало, и поэтому одна из целей архивов данных по социальным наукам - данные сохранять. Возвращаясь на нашу почву, например, в нашем архиве хранятся опросы, которые проводились Институтом социологии в советское время. Это совершенно уникальные данные. И понятно, что их сохранность очень много скажет исследователям и нашего поколения, и следующего о том, что это было за время.

Вторая причина появления и роста архивов - это романтические представления о демократии. Дело в том, что ядром Roper Center были исследования Гэллапа. А у

Гэллапа было очень ценное для него представление, что социологические опросы - это средство донести до власти мнение народа. Поэтому данные не просто должны были быть сохранены, они должны были быть открытыми, чтобы на них можно было посмотреть и сказать: вот он, глас народа.

Понятно, что архивы - это много проблем. Одна из проблем - это финансирование. Архив никогда не будет бизнесом, это всегда затратное мероприятие. Поэтому, в частности, Юлия упомянула в своей презентации, что дороговаты данные... Дело в том, что американские архивы живут на подписку. Богатые американские университеты подписываются на архивы, и все члены этого университета: студенты, аспиранты, штафф - все получают данные бесплатно. В частности, Высшая школа экономики подписана на ICPSR, и все студенты, аспиранты, сотрудники Вышки могут пользоваться этими данными бесплатно. Для университетов это не такая уж большая сумма, а архив может свои финансовые проблемы решать. Финансирование - это одна из проблем.

Почему, собственно, возник ICPSR? В том числе и из-за финансовых проблем. Это сейчас самый большой в мире архив. Его фокус - это социальное обследование. Если Roper Center фокусируется на опросах общественного мнения, то ICPSR - это социальные обследования. Почему вообще возник ICPSR? Потому что те исследования, которые проводятся в американских университетах - они обычно проводятся на гранты, и одним из обязательных условий гранта является размещение результатов в открытом архиве; обеспечение открытости данных - это обязательное условие гранта. Поэтому университеты, которые сначала собирали эти данные каждый у себя, в какой-то момент поняли, что это непрактично, неудобно, лишние затраты, и возник ICPSR

В чем проблемы передачи данных в архив? Их обязательно нужно готовить. Это то, что упомянула Анна Владимировна, - невероятные трудозатраты. Мало того, что данные надо почистить - всем станет видно, что вы там в своем файле данных натворили, вывешиваются именно не аккумулярованные данные, исходные данные, микроданные. Поэтому всем будет видно, что вы там собрали, по какой методике и так далее. Поэтому данные нужно приводить в порядок. Данные нужно описывать. Это огромная работа, это большие трудозатраты. Хорошо, если в гранте это оговорено, тогда какие-то финансовые возмещения возможны, а вот те организации, которые передают данные в наш архив, мы должны их просто благодарить за то, что они соглашаются вести такую огромную и сложную работу. Есть еще, как мне кажется, среди проблем архивов проблема «спроса на данные» - «никто красную икру не спрашивает». Дело в том, что действительно в нашей исследовательской культуре существует твердое убеждение: если я, пусть на коленке, но опросил 100 человек, это будет мое личное исследование; а вот если я пошел в архив и взял чьи-то данные, то какое-то исследование у меня вторичное. Поэтому я думаю, что работать нужно не только со школьниками, но обязательно с молодыми преподавателями университетов, региональных институтов, от которых зависит, с какими данными будут работать их студенты. Если в учебных

программах как обязательный пункт появится анализ данных - настоящих, не собранных на коленке; например, в курсах анализа данных, - думаю, это создаст определенную культуру обращения к архивам данных по социальным наукам.

Мне кажется, что единой площадки для создания открытости не нужно и быть не может. Дело в том, что по характеру данные очень разные. Одно дело, данные, которые будут интересны академикам - тем, кто занимается наукой, исследовательской работой: это опросы, результаты госстатистики. И совсем другое - выполнение контрактов. Это разная по сути информация, она должна лежать на разных площадках. Кроме того, есть замечательные исследования - повторяющиеся мониторинги, которые создают свои собственные сайты. Например, есть RLMS - замечательная панель с чудесными данными, которую можно скачать. Есть данные лаборатории, которую представляет Анна Михайловна, их исследования выложены на сайте, их можно скачать, они прекрасно описаны, документированы. Соединять все это в одну площадку мне кажется неразумным.

Спасибо большое за внимание, коллеги.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое. Я, слушая Ларису Борисовну, вспомнил известную поговорку, что доброе слово вместе с кольцом гораздо эффективнее, чем просто доброе слово. В данном случае - когда вводятся в договор обязательства: не сдадите в архив - не примем грант, это и есть тот самый аналог кольца. Если в соответствующие контракты, договора, например, с общественным фондом или другим заказчиком будут вписаны какие-то условия, обязывающие открытость, пусть фрагментарно и не полностью - это один из механизмов повышения открытости. Спасибо большое. Я бы хотел передать слово Константину Кокареву, который РАНХиГС. Только, просьба - сжато....

Кокарев К. П.: Да, я понимаю. Коллеги, спасибо. Ей-богу, хочется ввязаться в разговор, потому что много важных тем подняли. Я начну с общего заявления, которое, наверное, будет лейтмотивом всех моих дальнейших высказываний. Я полагаю, что осознание ценности и полезности открытости информации проойдет тем быстрее, чем яснее людям будет, как расшаривать данные, как эти данные описывать, как их использовать. Думаю, мы преждевременно жалуемся, что люди не хотят в эту идею выписываться, потому что действительно пока это слишком сложно. Для многих специалистов еще не понятно, как делать. Надеяться на то, что люди, которые не посвятили себя исследованиям, так легко в это войдут, несколько наивно. Мы должны, конечно, ворчать, это нормально, но в меру.

Коллеги, в свете этого вот что хочу сказать. Прозвучало, что нужно учить людей пользоваться данными; есть программы по информационной грамотности. Если мы посмотрим программы школьные, связанные с IT-технологиями, с обществознанием и всем остальным, мы там какие-то замечания, посвященные

тому, что есть какие-то данные, и т.д., можем обнаружить. Здесь не то что не нужно изобретать велосипед, а возможно, надо воспользоваться той возможностью, которая уже заложена. И для школьников занятий по компьютерной грамотности, наверное, будет достаточно. Для студентов - соглашусь с Ларисой Борисовной, надо курсы проводить по data literacy - грамотности работы с данными. И я бы не сказал, что data literacy должны быть внедрены только в курсы по работе с данными, потому что принятие решений на основе данных т.д. - это не только цикл аналитических дисциплин, связанных с количеством информации. Но это так, в качестве реплики.

Сейчас очень коротко перехожу к тому, что думал сказать.

Хотел сказать о некоторых методических требованиях конфликтных данных. Предположим, у нас есть хорошая идея и колът в лице государственного интереса сделать доступную информацию. Боюсь, если мы сейчас настроим на том, чтобы все начали расшаривать свои данные, чтобы все могли видеть, что происходит, мы получим очень нехорошую историю. Потому что у нас действительно нет стандартов. У нас нет технологий и каких-то регламентов. И здесь я бы технологии разделил на три, фактически четыре больших блока.

Есть методика оформления данных. Это форматы сохранения. Условно. Если мы за открытые данные, то мы предполагаем, что данные должны быть интероперабельны, значит, они должны быть открываемы бесплатным пакетом, потому что не все работают в том или ином пакете. Это накладывает некоторые обязательства на нас. Потому что мы привыкли работать так или иначе. При экспорте базы данных могут теряться какие-то элементы, и это технический навык, который нужно тренировать, и нужно людям этому учить, нужно, чтобы все осознали, как это все должно выглядеть. Но это стандарты описания. Например, нужны (я, как человек, работающий в библиотеке, должен был это сказать) классификаторы. Нам нужны классификаторы методов, еще чего-то, чтобы потом в большой поисковой базе данных мы могли что-то найти. Без стандартизации описания, боюсь, мы не очень много найдем. Массив будет большой, мы сможем поговорить о том, что миллионы информации лежит, но как с этим работать.

Про описания и стандарты технические можно говорить и дальше, это большой блок, но я думаю, он нам более-менее понятен.

Есть второй блок, он связан с технологической организацией этих депозитариев, куда эти данные входят. Безусловно, создавать один сайт, куда мы сложим все, бессмысленно. Есть давно протоколы, есть харвестеры, которые ходят по интернету и собирают, есть поисковики по данным. В этом смысле тратить на единый портал необходимости деньги никакой нет. Однако внедрять технологии, которые связаны с серверами, со стандартами индексирования, описания и т.д., на национальном уровне, безусловно, нужно. Это большая работа. И сколько я общаюсь с коллегами, какие-то библиотеки в этом направлении что-то делают, какие-то ничего не делают, но в общем какого-то фронта единого на эту тему у

нас нет, и в этом смысле зачастую опыт белорусских там библиотек интереснее российских, хотя кажется, у нас исследований больше и технологически мы довольно развиты.

Третий момент - методический, который тоже нужно упомянуть. Кроме методики оформления данных и методики хранения на технических каких-то серверах. Это вопрос о том, как внутри себя данные описываются. Предположим, у нас есть инициатива одна, пока в рабочем виде она называется «Спектр». С чем мы, собственно, столкнулись? Это не мой проект, не библиотечный, это наш экономический исследовательский институт с этим работает, который любит статистику и любит ее на геоинформационные системы накладывать; у них очень большая проблема: разница в описании районов на уровне региональных, муниципальных, федеральных; то есть данные есть, но свести их так, чтобы можно было данные положить на карту и посмотреть, что происходит, - это большая проблема. Это третий пост проблем, связанный с тем, каким даже не универсалами классификаторами методов мы пользуемся, а как мы называем те или иные явления, есть ли у нас условный рубрикатор для возрастных групп и все ли мы пользуемся эти рубрикатором; может быть, там много разных рубрикаторов нужно, но все они должны быть соединяемы. Как географические регионы объединяются друг в друга, чтобы мы могли что-то видеть. Понимаю, что выхожу сейчас за пределы тематики полстерской, но как библиотекарь и как политолог по образованию, мне полстерская тематика не так и близка.

Здесь с точки зрения упорядочивания массивов информации географических делений, названий групп, в том числе социально-экономических категорий, которые назначены, разброс очень большой. И это разброс большой на уровне России - по понятным причинам. И этот разброс не меньше на уровне мировом. И здесь нужно выписываться в глобальные проекты, и быстрых решений, наверное, не будет. Можно, конечно, надеяться на то, что машинное обучение быстро будет развиваться, мы сможем массивы упорядоченной информации использовать довольно быстро. Но вопрос в том, насколько это будет эффективно и насколько мы сможем научить машину, если мы изначально не предложим специфические классификаторы и что-то такое для упорядочивания. Если так совсем коротко подытоживать, я полагаю, что нам нужны регламенты. Безусловно, нужно, чтобы была профессиональная самоорганизация на уровне людей, которые занимаются опросами, на уровне людей, которые собирают социально-экономическую статистику, политическими исследованиями занимаются, какими угодно. Регламенты эти должны быть по сути техническими. Они должны быть административными, потому что мы должны понимать, каким приказом, условно говоря, мы распространяем эти данные. Я-то в бюрократической структуре работаю, и согласование у нас долгий процесс. Если мы обяжем всех расшаривать данные, то мы потом полгода будем придумывать нормальную процедуру, потому что исследователь должен одобрить, руководство исследователя должно одобрить, контрактная служба должна прочитать контракт, и мы зависнем в цикле. Это надо разрабатывать. Нужны, безусловно, и регламенты для внедрения

в учебную работу. Потому что одним из основных потребителей, полагаю, должны быть студенты. Потому что они сами не могут производить серьезные исследования, и нужно на что-то опираться. Безусловно, нужны регламенты для минимизации данных. Нужны этические комиссии, для того чтобы это все предпринимать. Полагаю, что коллеги по крайней мере в нашем профессиональном сообществе более или менее способны решения этих проблем понимают. Вопрос в том, что надо эти проблемы предъявлять комплексно. Просто требовать от всех организаций какую-либо закрытую или открытую информацию мы не можем. У нас будет массив бесконечный, а дальше это будет искусственная интерпретация вселенной: кто посмотрел и как. Да, это повысит нашу интуицию, но это не совсем системное решение. Все, коллеги, спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо, Константин Павлович. Очень важный момент о том, что открытость - не всегда юзабилити. Мы в свое время с Центризбиркомом это обсуждали. ЦИК говорит: у нас все открыто, пожалуйста, все данные. Но этим же воспользоваться невозможно! И это означает, что действительная открытость включает в себя определенные условия комфортности пользования этими "открытыми" данными.

Лариса Борисовна, вы хотели что-то добавить.

Косова Л. Б.: Да, очень короткая реплика. Дело в том, что очень большое количество регламентов разработано архивами, они работают больше 70 лет.

Модератор Задорин И. В.: Обычными архивами имеется в виду?

Косова Л. Б.: Да. Архивами данных по социальным наукам. Не обычными архивами, именно электронными архивами данных по социальным наукам. Дело в том, что у них разработаны регламенты электронных каталогов. Никогда файлы просто так в кучу не сваливаются, обязательно есть электронный каталог, соответственно рубрикаторы, руководства, как этим пользоваться. Обязательно есть, например, языки описания данных, метаданные. Вот пример. В ICPSR есть замечательный подарив «Преступность по регионам Америки». По интенсивности, по характеру преступления... Это как раз решено средствами привязки результатов опроса к геолокации. Обратите внимание на IASSIST, если ставите перед собой задачу создания регламентов, посмотрите, что предлагают архивы, что предлагает IASSIST. Спасибо большое.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо.

Константин Павлович, очень коротко.

Кокарев К. П.: Я хотел сказать: в том-то и дело, что в библиотеках и у архивистов эти задачи решены. Вопрос в том, как заставить исследовательское сообщество следовать тем стандартам, которые уже разработаны.

Косова Л. Б.: Очень просто - требование на архивирование.

Модератор Задорин И. В.: Еще бы желание на архивирование было, тогда можно и про требование говорить.

Спасибо большое. Мы двигаемся дальше. Я бы хотел передать слово Елене Владимировне Князевой, это наш большой друг из Одессы. Елена Владимировна организовала и провела один замечательный проект - «Открытое мнение - Одесса» в рамках технологии содружества «Открытое мнение». Она большой союзник нашего движения открытости, но последнее время стала выражать сомнения по поводу того, действительно ли открытость способствует повышению доверия к данным. Если помните, «Открытое мнение» как выражало самую главную свою идею? На вопрос “зачем открывать данные?” отвечаем “потому что это повышает доверие к ним”. И вот Елена Владимировна говорит: не всегда и не везде. Это если я правильно понимаю основной пафос и тезис вашего выступления, Елена Владимировна. Прошу.

Князева Е. В.: Добрый день, уважаемые коллеги. Огромное спасибо за то, что пригласили меня выступить на этом круглом столе. Действительно, я являюсь большим поклонником «Открытого мнения» и непосредственным участником. И кроме того что есть опыт проведения своего собственного инициативного открытого проекта, в этом году мы участвовали в методическом аудите исследования «Открытого мнения - Санкт-Петербург», и здесь тоже есть определенные соображения.

Прежде чем перейти к своим собственным тезисам, я хочу два наблюдения с сегодняшнего круглого стола отметить. Первое - я с огромным удовольствием послушала коллег и для себя отметила, что и Сергей Геннадьевич, и Мария, и Юлия, в принципе, мы говорим об одном и том же. Вывод, который можно сделать: проблемное поле, касающееся проблемы открытости, уже нами очерчено. И можно переходить на следующий этап, связанный с выработкой механизмов реализации открытости.

Второе - хотелось бы определить понятие открытости. Потому что по выступлениям мы видим, что мы все разные и вкладываем свой определенный смысл. Я смотрела проект декларации, и там тоже есть определение “открытости”, о котором еще не говорили, но оно отличается от того, что прозвучало.

Мне кажется, что открытость - это не только об открытых данных, открытых массивах. Открытость - это еще и о коллаборации и коммуникации. И коль у меня выступление о сомнениях и доверии, то как раз проблема открытости замыкается

на коммуникации. То есть мы не добьемся доверия, только публикуя свои массивы и открывая свои данные. Важная составляющая доверия - открытие всего исследовательского процесса.

В связи с чем, я и определила для себя ряд вопросов. Честно говоря, прямых ответов на них нет, есть только рассуждения, моё видение. Они заключаются в следующем.

Мы задумываемся о том, может ли сама открытость влиять на доверие, на доверие как явление обыденного сознания. Можно ли проводить здесь знак равенства или все-таки есть какие-то другие разветвления, пути, на которые мы мало обращаем внимание, но они и есть те барьеры, о которых говорили уже коллеги? Здесь и есть эта развилка: в каких случаях открытость может приводить к публичной дискредитации и репутационным рискам - об этом Юля уже говорила, и в каких влияет на конечный результат и повышает доверие к исследованию.

Дальше важно определиться с субъектом. И здесь я повторяться не буду, то же самое уже прозвучало. Если мы говорим о таких субъектах как общество, граждане, профсообщество и средства массовой информации, соответственно, заказчики, то "открытость" больше всего полезна для профессионального сообщества. Поскольку именно это позволяет нам разобраться в методах и совершенствовать профстандарты, о которых мы так много говорим.

Хотелось бы отметить основные моменты, которые являются наиболее привлекательными. Может быть, я отвечу на некоторые вопросы, которые уже и в чате обозначены. Что меня привлекает, что кажется важными и симпатичным в идее открытости и доверия к профессии? Открытость помогает членам команды достичь взаимопонимания целей и задач исследования. Поскольку мы знаем, что, даже работая в группе содружества «Открытое мнение», мы сталкивались с проблемами: казалось бы, все участники высокого профессионального уровня с огромным опытом, но тем не менее мы все время спотыкались на том, что очень долго обсуждались цели и задачи. Достичь эту точку взаимопонимания было очень сложно. Именно такой формат позволяет быстрее этот этап пройти. Кроме того, открытость позволяет улучшить атмосферу в профессиональном сообществе, хотя я буду говорить о противоположных эффектах, но тем не менее если глобально рассматривать - открываясь профессиональному сообществу, мы рассчитываем на то, что мы не только себя презентуем, а создавая эту атмосферу доверия, мы улучшаем коммуникацию, потому что это тоже достаточно проблемное поле - мы все конкурируем друг с другом, и здесь все достаточно сложно.

Важный момент - открытость также дисциплинирует исследователей. Поскольку необходимо выкладывать информацию в открытый доступ, и это стимулирует к более тщательной работе, подготовке, побуждает и подталкивает нас лишней раз проверить соблюдение методик, корректность исследовательских процедур и т.д. Самопроверка и саморефлексия - об этом уже говорили. Также соблюдение

сроков, дедлайнов. И в свою очередь, мы возвращаемся к повышению доверия между партнерами. Кроме того, открытость и доверие должны повышать достоверность результатов, потому что возможна независимая проверка этих результатов. Также открытые исследования способствуют инновациям и открытиям.

Но кроме всего перечисленного, есть и ограничения, которые я для себя определила следующим образом.

Уже говорили, что открытость не является на сегодняшний день абсолютным правилом. Тому существует много причин. Как говорил Сергей Геннадьевич, это касается секретности, закрытости научных исследований. Кроме того, многие коллеги не открывают исследования, побаиваясь, что их методы, методики и инновации могут быть использованы коллегами без ссылок и не вполне добросовестно. Угроза национальной и международной безопасности - тоже один из барьеров, который я, собственно, на себе испытала. Участвуя в каких-то проектах, мы не всегда можем публично заявлять о своем участии, и это ограничивает наши возможности.

Отдельным примером являются ноу-гоу зоны, это серьезное направление. Когда мы проводим исследования в этих зонах, встает вопрос о доверии, о публичности, о надежности результатов.

Большой вопрос - стандарты, и уже много об этом говорилось. Я постоянно с этим сталкиваюсь; очень сложно для себя принять решение, на что опираться: на данные AAPOR, на стандарты WAPOR или на стандарты, которые прописаны в каждом этическом кодексе? При этом здесь много спекуляций возникает, потому что всегда возникают желающие почувствовать себя в роли этаких древнеримских Авгуров. Эти требования можно расширять бесконечно, и претензии могут быть безграничны, и это, в свою очередь, влияет на репутацию исследователя. Поэтому очень бы хотелось иметь какие-то рамки, какие-то критерии выделить. Открываясь, исследователь должен понимать: это большой риск. Большое количество примеров можно привести, когда исследователь становится уязвимым для критики. И собственно, чем острее тема затронута в исследовании, тем сильнее удар.

Что касается доверия в отношении общества, об этом тоже много говорилось. Добавлю несколько штрихов. Мне кажется, наивно полагать, что люди ждут, заинтересованы следят за информацией и исследованиями; да, есть такая заинтересованная группа, но тем не менее эта увлеченность и доверие варьируют от тематики исследования. Когда результаты соответствуют ожиданиям и общественность принимает эти результаты, тогда все замечательно. Но когда результаты оказываются неожиданными, это вызывает сомнения, недоверие, критику. Тема, безусловно, очень важна.

Что касается средств массовой информации и заказчиков, здесь важно отметить, что нам сложно найти компромисс, поскольку у журналистской публики и у

социологов разные стили мышления и разные методы работы с данными, и это приводит к недопониманию.

У меня все. Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое, Елена Владимировна.

А замечательный же пример. Нет, про этот пример, пожалуйста, скажите. У всех коллег прошу извинения, но это очень важный кейс.

Князева Е. В.: Я очень быстро, только покажу. Я уже упоминала исследование, которое провели харьковские коллеги в ноябре 2019 года.

Модератор Задорин И. В.: Вы только скажите, что такое ОРДЛО.

Князева Е. В.: Думаю, это всем понятно... Харьковская фирма социологическая «Нью имидж групп» в начале сентября провела исследование в ОРДЛО - это Донецкая и Луганская непризнанные с точки зрения Украины республики - они провели опрос face-to-face, и в начале ноября результаты были опубликованы в издательстве «Зеркало недели», через неделю возникло обсуждение в социальных сетях, исполнители выложили отчеты у себя на сайте, а уже спустя две недели после публикации вышла такая заметка, которую подготовили наши украинские социологи на тему: «Тест на профнепригодность: вопрос социологов к опросу в ОРДЛО». То есть то, о чем я говорила: сколько можно задавать вопросов, есть ли какие-то ограничения: 20, 16, 100 и т.д. И после этого представители компании «Нью имидж групп» через неделю опубликовали свой ответ: «Тест на дискредитацию: ответ авторов нашумевшего соцопроса в ОРДЛО на критическую рецензию» - на те же пункты они предложили свои варианты ответа. И что мне симпатично, мне кажется, что именно так должны заканчиваться такие кейсы. Уже в начале декабря был проведен круглый стол на тему «Социологические исследования в условиях противостояния на Донбассе: возможности и ограничения». И, собственно, там шла речь и об этом исследовании, и выступали исследователи, которые работают на этих территориях. О чем этот кейс. Открытость не спасла исполнителей, поскольку они выложили и массив, и анкету, но как только массив оказался в свободном доступе, тут же возникли сомнения: он не в той форме и не там выложен. А потом те, кто требовал этот массив, отказались его анализировать в связи с тем, что это требует дополнительного времени, затрат. На этом все свернулось, обсуждение закончилось.

Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое. Я хотел бы отметить еще один аспект этой истории. Когда говорится о том, что открытость - это амбивалентная

вещь, и она несет риски для исследователя, речь идет не только о репутационных рисках. Иногда речь идет о вполне физических рисках. Потому что, когда исследователи открывают данные по весьма чувствительным темам, территориям и зонам, это несет для них буквально риски безопасности. Этот момент тоже надо учитывать.

И у ВЦИОМа тоже был такой случай, когда был проведен “крымский опрос”, и, соответственно, полностью открытые данные, и это только способствовало возбуждению некоторых лиц, чтобы “наехать” на исследование.

Спасибо вам большое.

Мы двигаемся замечательно.

Хотел бы задать вопрос Григорию Владимировичу [Добромелову]: есть ли у нас здесь кто-то из госзаказчиков?

Добромелов Г. В.: Нет, не вижу никого.

Модератор Задорин И. В.: Тогда, как обычно, на этой категории участников мы сэкономим время. Мы переходим к третьей части нашего круглого стола. К декларации об открытости. Прежде чем Григорию Владимировичу [Добромелову] предоставлю слово, который ее представит, вставлю пару слов от себя. Хотел бы сказать, что Декларация - это наша почти стихийная попытка взять и попытаться изложить отдельные разрозненные мысли, сюжеты, ценности вместе. Ясно, что это не регламент, не стандарт. Это действительно скорее ценностная, идеологическая концепция, которая, на наш взгляд, должна быть выражена словами. Потому что мы почти девять лет работаем с идеей открытости как само собой разумеющимся принципом, но когда мы начинаем разговаривать с кем-то, не входящим в наш круг, то все вопросы, которые мы сегодня задавали друг другу, возникают вновь. И прежде всего фундаментальнейший вопрос нашей российской культуры. Это не вопрос о том, “что делать?” и “кто виноват?”. Это вопрос «зачем?». То есть вопрос о смысле этих самых действий, о смысле открытости - зачем надо открывать данные? Тут мы, конечно, упираемся в те самые ценности. Ценности открытости, которые этот самый смысл задают. Поэтому захотелось как-то эти ценности изложить. Возможно, это самая первая пристрелка, и мы ожидаем участия коллег в конструировании такого документа. Подчеркиваю: он несет ценностный характер; это не стандарт, не механизмы, не регламенты, а только самый первоначальный подход ко всему этому механизму. Григорий Владимирович представит эту заготовку, и потом мы все будем иметь возможность пройти как по тексту декларации, так и по всем предыдущим репликам коллег. Можем вернуться к спорным моментам и к вопросам, которые нам задают в чате. В рамках обсуждения декларации можно будет поговорить по контексту нашего круглого стола.

Григорий Владимирович, пожалуйста.

Добромелов Г. В.: Добрый день, уважаемые коллеги. Поскольку Игорь Вениаминович дал пас про ценности, я вспомнил шутку, что открытость всех украшает, но лучше всего она украшает баночку с черной икрой. Вот когда баночки нет, то об открытости этой баночки говорить очень странно. Во многом об этом сегодня говорил Иван Бегтин, что отсутствие открытости - это вопрос не ценности, и сейчас это вопрос даже не регламентов и процедур. Вопрос не в том что стакан наполовину полон или пуст - в стакане просто чаще всего ничего нет. Я не про исследования в нашем социологическом сообществе. Как-то внутри социологического сообщества некие стандарты открытости мы сможем выработать. Я говорю про открытость всех социологических исследованиях, которые делаются за государственные деньги, причем не важно, это государственные деньги, разыгранные по 44-му ФЗ, по 223-му Федеральному закону (для коллег поясню: это два закона, регулирующие государственные закупки), либо это государственные заказы, сделанные на грантовые деньги. Простой пример - широко разрекламированное исследования РФФИ вместе ЭИСИ, выданные в прошлом году, подведены результаты, Кириенко выдал грамоты, но отчеты по этим исследованиям до сих пор не открыты.

Задорин И. В.: Это почти академические работы.

Добромелов Г. В.: Да, это фактически академические работы.

Так вот я не буду сейчас подробно останавливаться на декларации, потому что текст, кто хотел, тот мог прочитать. Я скорее про некоторый набор практических шагов, которые, с моей точки зрения, необходимо сделать, чтобы мы к чему-то все-таки пришли. Повторю, я абсолютно согласен с Иваном Бегтиным: либо сейчас сообщество возьмется за эту тему и сделает это само, либо государство зарегулирует эту отрасль без нашего участия. Надежды на то, что авось пронесет, я думаю, уже ни у кого нет, потому что, во-первых, бюджеты становятся все более прозрачными, контроль за расходованием бюджета все более четким, в условиях кризиса еще и объем этих бюджетов уменьшается. В первую очередь режутся бюджеты исследовательские. Капитальные затраты режутся во вторую очередь, социалка - в последнюю. Кроме того, мы видим, насколько стремительно правительство Мишустина занялось оцифровкой всех государственных процессов. Если на протяжении 30 лет говорилось о создании единого реестра граждан Российской Федерации, объединении разных баз данных, то теперь этот закон уже в Государственной думе. Соответственно, на то, чтобы выработать собственную позицию, есть не более полугодя времени. После этого Правительство само выдвинет определенные требования к открытости результатов госконтрактов по НИОКРам. Ну, и социологические исследования будут следующим уровнем.

Модератор Задорин И. В.: Или о требованиях об их закрытости.

Добромелов Г. В.: Требования к закрытости скорее выдвинет ФСО. Да, какая-то часть, конечно, будет закрыта. Не вижу никакой сложности в том, чтобы что-то закрыть. Скорее будет вопрос в том, какие издержки придется всем нести по открытости. Что, с моей точки зрения, сейчас необходимо сделать. Я бы предложил сформировать две рабочие группы небольшого формата, всем туда предлагаю вступать в инициативном порядке. Одна будет касаться коммуникации с государственными органами и заказчиками, в том числе некоммерческими фондами государственными, которые осуществляют гранты, для того чтобы выработать вместе с ними требования и принципы открытости данных. И вторая рабочая группа как раз касается всех методических аспектов: где хранить, какие должны данные открываться, какой инструментарий и что там должно быть прописано в методических отчетах, какие должны быть формы отчетов, какой должен быть формат обмена данными и т.д. То есть это две разные абсолютно вещи. Первое - это переговоры о регламентах и принципах открытости, второе - это уже технический механизм. И то, и другое необходимо нам разработать и предложить, потому что сверху может быть спущена только законченная какая-то версия. И к осени я бы предложил собраться в расширенном составе, уже с участием заказчиков. Я понимаю, почему сейчас заказчики не приняли участие в этом мероприятии не только организационно, но и в силу собственной неготовности обсуждать эту тему; надо их подготовить. И осенью уже обсуждать конкретные вещи, чтобы правительство приняло соответствующее постановление. Пинок все равно будет сверху, вопрос в том, мы сами сформулируем мощность и длительность полета от этого пинка или дождемся, пока это сделают за нас. Спасибо.

Модератор Задорин И. В.: Неожиданное вступление к декларации, честно сказать. Но тем не менее мобилизующее. Это я к тому, что у нас осталось весьма ограниченное время [на решительные действия по выработке стандартов открытости]. Или регулятор сам проявит инициативу - она может быть и не самая плохая, но мы просто не знаем, какая она будет. И правильнее было бы вступить с ним во взаимодействие, сделав свои предложения о том, каким образом можно регламентировать эту самую открытость социальных исследований. Здесь я хотел бы сказать, что во всех наших выступлениях одной из генеральных линий проходила тема различной ответственности разных субъектов за эту открытость. Если к академическим исследованиям мы предъявляем совершенно очевидные требования про открытость, то к заказным, естественно, вопрос более сложный. Потому что мы должны обращаться не к самим исполнителям, как в научных исследованиях, а к собственникам, которые представляют другой субъект, нежели сами исследователи. И вот по классам собственников могут быть самые разные решения. К классу государственных собственников мы пока можем

предъявить некую ценностную установку о том, что исследования, сделанные на деньги налогоплательщиков, хотелось бы открывать хотя бы фрагментарно. Мы отлично понимаем, что есть ограничения, связанные с той же самой безопасностью. Наверное, исследования по идеологии терроризма, и как она распространяется, может быть, и имеет смысл закрывать: не надо, что называется, информировать противоборствующую сторону о некоторых наших открытиях.

Добромелов Г. В.: Подобные исследования и не «играются» через 44-й ФЗ. Это часть тех исследований, которые заказывает Администрация президента.

Модератор Задорин И. В.: Отлично.

Есть огромный объем исследований, которые действительно проводятся по 44-му и 223-му ФЗ, и которые тем не менее остаются закрытыми без каких-либо оснований. Причем они представляют общезначимую информацию. Такую информацию, которая, на наш взгляд, имеет значение не только для самого государственного института, ведомства, которое заказывает эти исследования, а для многих других российских организаций и общественных объединений. Это раз.

Второе. Естественный вопрос, связанный с бизнесом. Нам говорят: как бизнес может что-то там открывать, это же все конкурентная ценность? Здесь никаких требований, обязательств и даже пресловутого кольта мы предъявить уже не можем. Тем не менее развивать культуру открытости, когда даже бизнес-субъекты (мы можем даже подсказать) могут быть заинтересованы и в повышении репутации, и в повышении качества их исследований. Представим, что какая-нибудь телекоммуникационная компания постоянно заказывая исследования, на протяжении долгих лет не создает условий для независимой экспертизы, то понятно, что она несет риски снижения качества продукта, который она потребляет за свои деньги. И такого рода аргументы могут подвигать к открытости частично и бизнес. Подчеркиваю - частично, фрагментарно.

Наконец третий компонент, сегмент - это фонды. Это общественные некоммерческие организации, которые, с одной стороны, не заказывают исследования ни по 44-му, ни по 223-му ФЗ, и с другой стороны вроде бы находятся вне конкурентной борьбы. Тем не менее многие фонды, выдавая гранты на социальные исследования или на исследования, которые встроены в социально-активистские проекты, и которые тоже имеют общую значимость, тем не менее они остаются недоступными широкой общественности. И мы знаем, что очень часто эти исследования сделаны, так скажем, с пониженными требованиями к качеству, если не сказать халтурно.

Поэтому, повторю, стимулы к открытости есть для всех. При том что и ограничения есть для всех субъектов. Поэтому я и говорю про ценности и культуру, а не про регламенты и механизмы. Потому что регламенты и механизмы безусловно могут быть разными, но сама ценность, смысл, говорит о том, что: а) открытость повышает доверие, б) открытость повышает качество [через возможность внешней экспертизы], в) открытость включает в процесс обсуждения исследования много разных игроков, и т.д. Этот набор ценностных стимулов имеет смысл в декларации представить и описать.

Не буду злоупотреблять админресурсом модератора и хотел бы спросить у коллег: по итогам, по всему кругу выступлений есть ли у кого-то замечания, предложения дополнительные, отнесение к тексту? У нас есть коллеги, которые еще не выступали. Нелли Александровна Романович присутствует, Анна Михайловна Алмакаева молчит. Может быть, они что-то скажут по тем вопросам, которые мы сегодня выносили в повестку? С учетом того что это все записывается и будет открыто. Прошу, коллеги.

Алмакаева А. М.: Коллеги, здравствуйте. Позволю себе высказаться, как представитель академии. Хочу сказать, что значат для нас открытые исследования. Для нас, представителей академии, открытые исследования означают возможность прежде всего работать с данными и возможность приращения теоретического знания. И это не только теоретическое приращение знания, но и построение единой, какой-то целостной картины мира, которая и в прикладных исследованиях потом может быть использована, с точки зрения прикладных каких-то разработок, в том числе и в управленческой деятельности. Поэтому мы со своей стороны стараемся отдавать наши данные. Всемирное исследование ценностей - это открытые данные по всем странам, Европейское исследование ценностей - и это тоже открытые данные, и любой желающий может скачать эти данные с официальных сайтов. Поэтому мы, со своей стороны, всячески приветствуем такие интенции к созданию открытых архивов и в России тоже.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое, Анна Михайловна. Коллеги, поднимайте руки, я вас всех вижу и буду предоставлять слово.

Косова Л. Б.: Если можно, Игорь Вениаминович, короткую реплику. Это то, чего я не коснулась в своем выступлении, но хотела бы коснуться. При том, что я полностью за открытые данные, мы должны понимать, что с этим будет связана проблема профанации. Ведь с любым инструментом нужно уметь обращаться. Иногда, когда читаешь журналистскую интерпретацию в СМИ очень качественных данных, понимаешь, что вот она и есть, проблема профанности. Если данные будут открыты, то, я боюсь, море странных интерпретаций будет безбрежно. Это проблема, про которую нужно думать. Это не значит, что не надо

открывать данные. Обязательно надо. Просто нужно понимать, что они будут открыты для всех, не только для специалистов и профессионалов.

Еще один момент, очень короткий. Возвращаясь к кольцу. Кроме кольца существуют пряники. В частности, в Германии я не очень хорошо знаю, как устроена налоговая система, но коммерсанты, коммерческие исследования, владельцы информации, если они передают свои исследования в открытый архив, им снижают местные налоги. Есть такой пряник. Не знаю, может ли он быть реализован в наших условиях.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое.

Юлия Михайловна.

Баскакова Ю. М.: Коллеги, когда мы думаем про принятие декларации, есть гораздо более простая история: почему бы не начать с себя? Есть готовый гайдлайн, в нем список на три страницы, что нужно открывать и как, с сохранением приватности персональных данных и с сохранением конфиденциальности данных клиента. Это гайдлайн Transparency Initiative. Откройте список, посмотрите на него и попытайтесь опубликовать по этому списку несколько своих исследований. Это могут сделать все: уважаемый ЦИРКОН, Анна Владимировна, это может сделать практически каждый из вас, у всех есть открытые исследования. После этого нам будет легче предметно говорить описывать декларации, которые будут работать, а не просто останутся общими словами на бумаге.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое. Действительно, есть уже опыт позитивный, и мы здесь в рамках круглого стола много услышали. Наверное, мы кое-что скорректируем в том тексте, который предполагаем к открытому обсуждению, на основе услышанного. Юлия Михайловна, спасибо большое. Если вы нам, неразумным, пришлете пару ссылок поучительных или даже файлы...

Баскакова Ю. М.: Уже в Фейсбуке.

Модератор Задорин И. В.: Отлично, спасибо.

Валерий Валерьевич, не скажете в заключение что-нибудь, какой фидбэк получили после приветственного слова?

Федоров В. В.: Все выступления были действительно очень содержательными. Отдельное спасибо Ларисе Борисовне за погружение в исторический контекст. Думаю, нам есть над чем поразмыслить. И поддержал бы еще идею Григория в рабочем порядке дошлифовать некоторые аспекты, которые сегодня были

подвергнуты определенным сомнениям. Время у нас действительно есть. Мягко говоря, государству сейчас точно не до нас. Надо будет подготовиться к моменту, когда чуть-чуть больше внимания нам будет уделено, и подготовиться существенно лучше. А самое главное - давайте продолжим работать в рамках нашей дистанционной распределенной удаленной Грушинской конференции в ближайшие полгода.

Модератор Задорин И. В.: Спасибо большое. Еще раз пожелаю всем успехов, и самое главное - здоровья. Давайте беречь себя, близких. Да, будь здоров - всегда здоров! Сегодня, в День пионерии, мы были первые в открытии конференции. Надеюсь, не самый плохой пример показали остальным секциям. Успехов всей Грушинской конференции! До свидания.

Давыдов С. Г.: Игорь Вениаминович, еще один момент. У нас была договоренность, что мы сделаем групповую фотографию.

Модератор Задорин И. В.: Да! Тогда по возможности «Гюльчатая, открой личико». Все готовы? Щелкаем! Спасибо, коллеги.

